

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. Ф. ФЕДОРОВА С В. А. КОЖЕВНИКОВЫМ

О Туркестане

Печатаемые три письма Н. Ф. Федорова о Туркестане относятся к числу материалов, подготовлявшихся к печати покойными ныне В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном в качестве третьего тома «Философии Общего Дела». Этот третий том, где должна была быть собрана переписка Николая Федоровича и разные материалы, не попавшие в первые два тома, был почти подготовлен к печати в 1916 году, но в это время не мог быть напечатан в связи с падением валюты и денежными затруднениями занятого этим делом В. А. Кожевникова. Последовавшая за этим смерть обоих редакторов «Философии Общего Дела» (Кожевников — в 1917 г. 3 июля, а Петерсон — в 1919 г., 4 марта н. ст.), задержала публикацию литературного наследства Н. Ф. Федорова и только теперь начинают просачиваться в печать отдельные обрывки из того, что должно было увидеть свет еще десять лет тому назад...

Публикуемые письма относятся к 1899 году, когда Николай Федорович, по настоянию своих друзей, делал ряд попыток продвинутой в умы современников свои идеи в периодической прессе и совместно с Петерсоном и Кожевниковым готовил к печати одновременно несколько статей, а также работал над систематизацией материалов, впоследствии вошедших в I-й том «Философии Общего Дела». Эта работа проводилась им совместно с Н. П. Петерсоном, у которого Н. Ф. Федоров проводил обыкновенно летние вакационные месяцы и с которым работал все свободное время, причем Петерсон выполнял весьма часто работу секретаря Николая Федоровича. В этом 1899 году Н. П. Петерсон был переведен по своей службе в качестве члена Окружного Суда в г. Асхабад, куда в конце лета приехал к нему Николай Федорович. Печатаемые письма представляют интерес не только, как впечатления весьма вдумчивого наблюдателя, попавшего в новую для него страну. Они своим содержанием входят, как составная часть, в исторические концепции Н. Ф. Федорова и с этой именно точки зрения должны оцениваться. Построения Николая Федоровича в этой области еще не имеют своего исследователя и еще не

привлекли к себе достаточно серьезного внимания. В то же время проблема Востока и Запада и отношения к ним России, концепция задач и целей России, выполняемых ею в процессе ее истории, поставлены Николаем Федоровичем Федоровым с необычайной отчетливостью и если в свое время они не привлекли достаточного внимания, то сейчас можно думать, что это время настало и всякий, кто пробует теперь писать по этому вопросу, должен считаться с точками зрения, выдвинутыми автором «Философии Общего Дела».

«S»

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

Посылая Вам «Введение», я полагал, что Вы присоедините его к оставленной у Вас статье «О всемирной Выставке». Напечатанное отдельно, Введение представлялось бы нелепой выходкою. Статья же «О Всемирной Выставке», к коей можно бы присоединить заметку «О местных школах-выставках», была бы не только уместна, но даже и необходима после вставки в статью о храмах обиденных нескольких слов о школах-храмах, если, конечно, смысл этих последних показан. Школы-храмы, создаваемые сынами человеческими, означают примирение знания с верою или верностью и любовью к Богу отцов, т. е., если вера есть осуществление чаемого, то знание будет средством, неопровержения сомнений как теперь, а средством осуществления самым делом чаемого. Предмет же чаемого указан в Символе Веры.

Школы-выставки, как создаваемые сынами, забывшими отцов, должны указать и показать, что нет иного блага, кроме производимого фабрикою. Эти то блага будут показаны в школах, выставках для образования отождествляемого с расширением потребностей, признаваемых в школах-храмах соблазнами. И на местной выставке при школе можно поставить, с соответствующею обстановкою, манекен девицы на самом видном месте, одетой в те материи (гниль), которые вырабатывались фабрикантами для соблазна крестьянских баб, словом, разодетой в пух и прах. Фабриканты, конечно, весьма охотно снабдят образцами на платья кукол для школ выставок. Когда проект повсеместного устройства таких школ, которым нужно представить на Парижскую Выставку будет осуществлен, тогда уже нельзя будет сказать (Вестн. Европы №2 стр. 735-я): «Крестьянские потребности крайне ограничены, обстановка жалка. Духовный мир узок и беден». как говорит это бесстыдный Головачев, хорошо зная, что этот духовный мир и совсем исчезнет (как его уже нет и у Головачева, если не считать

уничтожение всего вне фабричного за широту воззрений). Духовный мир, конечно, исчезнет, когда эти дети, согласно с Головачевым, будут думать, что умеренность есть добродетель баранов, а забудут, что неумеренность есть добродетель свиней. Школы Выставки именно назначены для сманивания населения в города, на фабрики. В видах пояснения выставки нужно осмеять привязанность к праху отцов. Сказать что-нибудь вроде «глупой луны на глупом небосклоне», тем, которые еще видят в небе Бога и души отцов.

Ваше обещание приехать весною очень меня обрадовало, но до весны так долго...

Янчуку не отдавать, а только показать или дать только для прочтения. Редакция Туркестанских Ведомостей не высылала ни одного экземпляра, хотя послано на 50 коп.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович. Я очень опасаясь, что ничего не сумею сказать для Вас любопытного о Туркестане, об этой в высшей степени, впрочем, замечательной стране, замечательной своей пустынностью, требующей наибольшей (наверху, карандашем: «высшей») деятельности от человека. — Красноводск служит достойным входом в безводный Туркестан. Этот красивый водородный город не имеет, оказывается, своей воды, а пользуется привозною, цена которой, как я слышал, доходит иногда до 50-и копеек и даже, будто бы, до рубля за ведро. Есть в Красноводске «опреснитель» но вода этого опреснителя имеет, говорят, очень неприятный вкус. Туркестан, после всего, что я видел, читал и слышал об нем, представляется мне в виде высокой пирамиды, сложенной из черепов и поставленной под безоблачным небом среди безводной песчаной пустыни. Такое изображение символа смерти, умерщвления и безжизненной пустыни могло бы служить даже гербом Туркестана. В этом гербе была-бы вся и география и история Турана,*) указывающая не на прошедшее только, но и на будущее, т. е. на то, что должно бы быть, ибо нигде так не очевидна необходимость обращения орудий истребления от бездождия и безводия, как в этой центральной на всем земном шаре пустыне. В Закаспийской области, равняющейся по величине Франции, более $\frac{1}{5}$ занимает необработанная земля (пустыня) и лишь $\frac{1}{5}$ обработанной, причем еще вместе с горами, почти лишенными всякой растительности. Чтобы обратить внимание людей науки на эту пустыню, которая, как говорят, более и более разрастается и грозит поглотить всю Россию, была составлена Записка, в которой указывалось на необходимость сделать Туркестан, а именно Самарканд, местом будущего Съезда Естествоиспытателей и врачей, а также

*) Построенные нами в Туркестане суглиняные (т. е. из глины) города, очевидно не долговечны, что-то вроде миража (марева) в пустыне. Н. Ф. Ф.

и археологического Съезда. Самарканд же лежит у подножья Памира,**) столько же важного в естественном, как и в историко-археологическом отношениях.

Записка эта была представлена Вице-Президенту Археологического Кружка в Ташкенте, Николаю Петровичу Остроумову, и принята им, повидимому, очень благосклонно, хотя в этой записке то, что многие считают фантастичным не отсутствует. В столице Тимура пробыл только день, потому буду говорить не о том, что видел, а о том, что по краткости времени не мог видеть и что Вы рассмотрите поподробнее, если будете в Туркестане. В 10-ти верстах на юг от Самарканда находится развалины Кяф и р-Коль, последней крепости христиан в Туркестане, — тут то бы и следовало быть русскому Самарканду. Недалеко от этих развалин находится пещера — Кяф и р-мола (могила неверных), т. е. христиан. Это та пещера, в которой исполнители воли Тимура задушили дымом последние остатки несториан — читателей пророка Ионы и ап. Фомы. Несториане в настоящее время присоединяются к православию, потому, кажется, следовало бы у этой пещеры поставить Новопечерский монастырь-памятник и сделать его лаврою всего Туркестана, назначить день памяти этих мучеников, сделать его местным или даже всероссийским праздником. В русском Самарканде, за неимением пругих святынь, чтут мифическую могилу Даньяра, т. е. пророка Даниила. — По восточному обычаю, заменяющему там поклон, прижимаю руку к сердцу, находя, что таким знаком лучше можно выразить приятель, благодарность, с коими и остаюсь Н. Федоров.

8 сентября 1899. Прилагаю 1-ый лист к статье «О храмах обыденных».

15 сентября 1899 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович. Спешу дать ответ на ваш вопрос о выписках из статьи о храмах обыденных. Чем более будет этих выписок сделано Вами, тем лучше. Если вся эта статья вошла в Ваше сочинение, то было бы очень хорошо, и, конечно в дословных выражениях, если эти выражения точны, и в измененных, если они не очень точны и ясны в статье о храмах обыденных. Прилагаю при сем три листа продолжения статьи «О храмах обыденных» и два письма, которые вошли в статью, а в Вашем экземпляре их нет. Эти письма на бело не переписаны, потому, что спешили отправкою, согласно Вашему желанию. Можно сказать кое-что и о храмах туркестанских. Создание каменных храмов в Туркестане так же требовало соединения множества человеческих сил, как у нас строение дере-

**) Запрос же о Памире был сделан в X-му археологическому Съезду, на то и было указано в записке. Н. Ф. Ф.

вянных храмов в один день. Обыденный храм — торжество над временем. Каменный храм Туркестана, воздвигнутый в лишенной камня местности торжество над пространством и тем большее, чем дальше место застройки от места добывания камня. Добровольное у нас, здесь заменялось принудительным. Легенда приписывает построение огромных мечетей-памятников эмирам султанам, употребляющим свои громадные полчища на эти постройки, расставляя их от мест каменоломель до места сооружения этих храмов.

* * *

В № 33 газеты «Неделя» напечатано письмо из Рима под заглавием: «Уничтожение града». Листок с этой статейкой прислал Е. Л. Марков из Воронежа в Асхабад Ник. Пав. Петерсону с надписью над заметкою о граде «Прямо таки Ваши чаяния». По поводу письма из Рима составлена была небольшая записка и препровождена к Евгению Львовичу*) с просьбою переслать ее, если он найдет это возможным, в редакцию «Неделя», коей он кажется состоит сотрудником. — Записка начинается словами, взятыми из лекции Наццари, отставного офицера, читанной им пред многочисленной публикою. «Если бы», сказал бывший офицер — «пушки были направлены вместо груди людей на тучи, несущие разорение бедным крестьянам, то это было более достойно человеческого**»). Сказав верно, высказав истину, как говорится в записке, он не остался верен этой мысли, а тотчас же изменил. Вместо того, чтобы говорить об обращении орудий истребления, огненного боя, в руках войск находящегося, в орудия спасения, хотя бы от града лишь, он заговорил о другой артиллерии, заводимой сельскими хозяевами. «Неделя», говоря о лекции Наццари думает, ознакомить Россию с совершенно в ней будто-бы неизвестным вопросом. Записка же, приводя выписки из газет и журналов, доказывает, что не только этот вопрос известен, но даже имеет с одной стороны ожесточенные противников (архиеп. Амвросий***), а с другой возведен даже в теорию в общий вопрос об отношении разумных существ к слепой безчувственной природе не как двух сил от века существующих (как Ормузд и Ариман, белбог и чернбог), а как временное лишь

*) Е. Л. Марков, воронежский помещик отец известного г. Маркова II-го. S.

***) Лекция читана в Фраскати. Любопытно бы знать, что скажет либеральный Папа по поводу пушек, направленных на тучи. Найдет ли он, подобно Амвросию Харьковскому, в пушечной салютации небу оскорбление Божеству. Н. Ф. Ф.

***) Высказавшийся в проповеди о противоградовой пальбе в тучи, как об действии нечестивом. Н. Ф. Ф.

раздвоение силы, которая делается тем более слепа, чем больше воздействует разумная. Россия, как продолжательница Ирана, делаясь орудием Безусловного Существа, т. е. делаясь христианскою, об'единив всех, устраняет обусловленное бездействием разумной силы зло, т. е. смерть и восстанавливает благо, т. е. жизнь. Впрочем, в самой записке не говорится ни об Иране и Туране, ни об Ормузде и Аримане, а говорится о высшей нравственности, в которой добро не обусловливается существованием зла и не обречена она как нынешняя мораль, делать добро, не искореняя никогда зла. В «Записке» это изложено полнее, а потому и яснее. Приготовлено письмо к Вам, в котором излагается программа наиболее плодотворного путешествия по Туркестану и будет вскоре послано к Вам... Пожелав всякого блага, остаюсь преданный Вам Н. Федоров. 15 сентября 1899 г.

*У подошвы Параномиза, на рубеже Ирана и Турана.
19 сентября 1899 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович. До сих пор все путешественники, приезжавшие сюда, были или специалисты, или же люди, мало понимавшие всемирно историческое значение той страны, куда приезжали. Чувству их ничего не говорили, ничего священного не представляли ни Памир, ни Иран, ни Туран; они, эти путешественники, ничем, можно сказать, не отличаются от живущих здесь русских приказчиков, чиновников, офицеров, людей, конечно, очень либеральных, но совершенно чуждых истории страны, имеющей мировое значение, и потому их несколько не поражает в стране Заратуштры, Джемшиды, Афроснабов, Гистаспов, Искандер-Душаха, Тимура, — название улиц именами Пушкина, Белинского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, этих карликов перед такими исполинами. — Новая, секулярная Русь не может понять величия Ирана и Турана, она не чувствует пульса исторической жизни, который бьется в этой стране. Равным по значению этому пункту можно признать только лишь Китайское побережье Великого океана, где Россия, сойдясь с Китаем, встретила соединенными силами Запада, встретила с передовым его (Запада) отрядом (Англией) еще ранее на Памире, также Русско-Китайском. В этих двух пунктах, можно сказать, наиболее бьется в настоящее время пульс истории, здесь решаются к о р е н н ы е, о с н о в н ы е вопросы жизни рода человеческого, кроющиеся под политическими. Еще вопрос, который из этих пунктов важнее, еще вопрос — китайское ли дело служить диверсиею, отвлекающею от индийского или индийское отвлекает от дела китайского. Во всяком случае нельзя же не признать, что в этих пунктах встретились, наконец два обходных движения, сухопутное и морское. Внутренний смысл этих движений и нужно понять. — Вам предстоит завидная роль — первому взглянуть на эту страну, на это, по Вашему выражению, сердце мира, не

с приказчицко-либеральной, а всемирно-исторической, с нравственно-религиозной точки зрения.

Туркестан был местом борьбы севера с югом, Турана с Ираном, землевладельца с кочевником, ближнего Востока с дальним, и это тогда еще, когда не было не только дальнего Запада, но и ближний едва зарождался; это — доисторическое еще время, или эпоха, если история начинается борьбой Востока с Западом, тогда на историческую сцену выступают страны приморские, а потом океанические; но это история лишь океаническая, односторонне принимаемая за всемирную. Есть и другая история, которая начинается борьбою Ирана с Тураном, — это история континентальная, и только встреча сил океанической и континентальной делает историю истинно всемирною.

Но что такое Туркестан или Туран и где его границы? А также и что такое Иран? Не всегда Туркестан был станом турок, был он станом и монголов, принадлежал китайцам, был буддийским, крестьянским, потом магометанским, прежде чем стал русским или зендо-славянским; не всегда он был пустынным, даже и тогда, когда владел им Иран, враг пустынь и безжизненности. И этот Туран, как Западный — ныне русский, так и Восточный, китайский составляет лишь центральную часть полосы пустынь и степей, которая тянется от Западного Океана до Восточного через весь старый Памирский материк. Если пустынность есть существенное свойство Туркестана в физическом отношении, то трудно определить физическую границу Турана, как к Югу, так и к Северу, потому что пустыня распространяется все дальше и дальше, и к северу и к югу, как и Памир поднимается все выше и выше, становясь все холоднее и холоднее. Итак, Туркестан нужно признать пустыню, которая образовалась там, где два северных материка спаялись и образовалась страна наиболее, с одной стороны отделенная от океана, а с другой закрытая высокими горами: от теплого и открытая к студеному морю, — страна, откуда пустыня и бесплодие распространяется во все страны. Если же пустынность есть существенное свойство Турана и если верна пословица, сказанная о турках: «где ступит Османова нога, там не растет трава», в том случае название его Туркестаном, станом турок, совершенно верно, причем северною границею тюркского племени нельзя поставить ни Урал, ни даже Волгу и Оку. Точно так же нужно признать близким к истине и отождествление пустыни с фаталистическим Исламом, а в таком случае и восточная граница Туркестана отодвигается все на восток, и Туркестан теснит, а, может быть, и вытесняет китайцев. Итак, союзником пустыни является Ислам, как религия и турецкое племя, как воспитанник пустыни и фаталистического Ислама слепой силе и не воспрещает отдаваться слепым влечениям (газават и многоженство). Если же действительная победа над язычеством выражается не в разрушении или истреблении идолов, а в управлении всеми силами, которые олицетворялись в

языческих богах, то и Ислам вместе со своим носителем, турецким племенем, может быть побежден лишь в той пустыне, которая его породила, а пустыня может быть побеждена лишь низведением на нее воц с неба, обращением пустыни в поле, ниву, в чем и должна заключаться задача северного преемника Ирана, но для этого ему необходим союз с Западом, с двумя Британиями, а между тем Запад в борьбе Ирана с Тураном был всегда союзником Турана, как в древнем, так и в новом мире. Благодаря этому союзу, погиб древний Иран, но если с помощью этого союза, будет побежден и новый Иран, обзываемый Западом Тураном, тогда Запад увидит у себя настоящих туранцев, как это и предсказывал в известной картине (желтая опасность) Черный царь (Германский Император) до своего еще путешествия на восток. Низведение воды с неба, победа над грозною силою есть победа разумного существа над слепой безчувственной силою, победа Ормузда над Ариманом, Белбога над черным Богом, Белого царя (Ахпадишаха) над черным царем (кара падишахом), христианства над антихристианством, победа добра над злом, т. е. Ирана над Тураном. Иран и Туран это не символы добра и зла, а синоним, и не в отвлеченном или произвольном смысле, а в конкретном, связанном со всюю историею мира, где добро есть жизнь, а зло есть смерть; торжество добра над злом есть победа жизни над смертью, возвращение жизни, воскресение, так, что Туран совпадает с антихристианством, а Иран с христианством, с истинным, активным христианством. Черный пророк Черного царя, союзника трехсот миллионов мусульман, т. е. Турана, этот черный пророк (Ницше) и есть анти-Зара-туштра, лже Заратуштра, который не может не признать в строителях пирамид и столбов из черепов «с е р х е л о в е к о в», стоявших за пределами добра и осуществляющих идеал зла.

Вся ли земля (небесное тело) станет покорной слепой силе, станет Тураном, т. е. пустынею, кладбищем, бесцельно носящимся среди бесчисленных миров, разумом неуправляемых, и потому к падению, к гибели идущих? Или же вся земля станет Ираном, раем, эдемом? Но последнее возможно лишь тогда, когда разумная, чувствующая сила на земле, прах отцов носящей, делаясь орудием Бога света и добра, возвратит праху (отцов) сознание и жизнь, чтобы населить воскресенными поколениями разумных, чувствующих существ бесчисленные миры, разумных существ не имеющие, и тем спасти их от падения и гибели. Параломиз, стоящий между Ираном и Тураном, и предлагает этот вопрос, — чем же будет земля, Ираном или Тураном? Туран — мир, т. е. борьба, или иго (гнет). Иран же не может быть миром, пока Туран вооружен, пока Туран есть мир, а не мир. Иран может быть миром лишь в мысли или в проекте обращения невежественного Турана и злоупотребляющего знанием, т. е. нечестивого Запада к исполнению путем познания долга благочестия. Как ни обширен, как ни могуч злой Туран в его союзе с Западом, признавшим себя

орудием слепой силы природы, но Иран, как орудие Бога света может и должен стать безграничным, всемогущим, потому что сила Турана — в розни и бездействии разумной силы (Ирана).

Но чтобы проникнуться надлежащим чувством в стране у подошвы — перед лицом Памира, недостаточно прокатиться по железной дороге, в вагонах с буферами, кафе-шантанами*) и т. п., а необходимо совершить и не путешествие даже, а паломничество, потому, что после Палестины нет более священного места, как Памир. Поэтому, если вы приедете в Асхабад, то, чтобы поездка Ваша была плодотворна, надо будет пробыть здесь несколько дней, минимум три дня, потому что отсюда необходимо устроить хотя небольшую поездку, не в вагоне, а на корабле пустыни и на ишаках, взяв и ишаки, если возможно, знающего и по русски. Лучше всего эту поездку предпринять в Анау, где находятся развалины древней большой мечети, не уступающей Самаркандским. До Анау не более десяти верст и это первая железнодорожная станция на пути в Самарканд. Без такой поездки верного представления о Туране составить нельзя: расстояние здесь небольшое, но достаточное для того, чтобы здешний край предстал таким, каким он был задолго до магометанства, в самой глубокой древности. Верблюды для поездки следует взять не такого, какие больше всего встречаются в Асхабаде, и какими они вероятно не были в древние времена, а такого, какого мы видели в Ташкенте. Асхабадский верблюд имеет жалкий вид, а ташкентский величавый. Дорога идет при подошве Копет-Дога, древнего Паропамиза, на самой границе Турана и Ирана. К сожалению, мы не знаем как называется он в Зенда-Весте, если есть там название этого хребта, здесь и справиться об этом нет возможности, а в Москве Вы можете узнать это у Риттера: Иранский мир (по-русски Иран), у Дармстеттера, новое издание Зенда-Веста. Эти горы видны и из вагона, а караванный путь идет еще ближе к подошве, и вы увидите еще ясней эти черные хребты, причудливые, как мечты: по крайней мере они нам такими кажутся, не выдавшим никаких других гор. Здесь почти самый южный пункт наших владений, здесь в июне тени в полдень можно сказать совсем не бывает, даже самые высокие деревья не дают ее, потому что солнце кажется почти в зените, ночью же при ясном небе (а не ясным мы его еще не видали), сидя на верблюде, можно наблюдать неизвестное на севере явление, захождение Большой Медведицы, хотя еще и неполное. Поездку нужно устроить так, чтобы она часть дня заняла и часть ночи; нужно обставить это путешествие вполне по восточному на верблюде с барабаном, с погонщиком в costume, который он не менял со времен Авраама, а может быть и со вре-

*) Кафе-шантанов в поездках еще нет, но господствующие ныне либеральные приказчики не замедлят, конечно, устроить их так, что едущий в таком поезде даже и в глубь Азии будет чувствовать себя точно в Париже. И. Ф. Ф.

мен Адама, и притом так, чтобы это путешествие напоминало и как бы переносило нас в библейские и в добиблейские времена. Близость железной дороги, нового способа передвижения, только усилит впечатление от старого. Железная и караванная дорога!.. Сколько тысячелетий лежат между этими, идущими дорогами!... Звон цилиндрического колокола на шее верблюда и пронзительный свисток паровоза в этой пустыне! Но, чтобы получить общее впечатление в таком путешествии, необходимо предварительное детальное изучение. В первый день Вашего пребывания в Асхабаде предполагается осмотр нового русского Асхабада, этого восемнадцатилетнего молодого человека, построенного из брени, вернее из пыли, ибо пыль здесь строительный материал, пятая стихия, можно сказать. Может быть, Вам не придется видеть, в таком случае мы скажем Вам, как легко был воздвигнут этот скудельный город: на самой улице, с пылью по колена, наливается вода, делается вроде теста, прибавляется мелкой рубленой соломой, и строительный материал для простейших простенков готов. Не все однако постройки так воздвигнуты, менее простые сложены из кирпича сырца, обожженного туркестанским солнцем, а иные и на фундаментах из камня, который во множестве разбросан между горами и городом, кирпич, обожженный не солнцем, а огнем, употребляется только для облицования, для украшения, как что-то ценное. В городе, говорят, два сада и парк, на самом же деле он весь стоит в саду, древние греки называли бы его Пантикапеею. Улицы имеют тенденциозные названия и народ их не знает. Постройки так однообразны и улицы так похожи одна на другую, что по виду трудно узнать, где находишься и т. д. и т. п. Асхабад старых городов русских не напоминает: церквей на такой город мало, всего четыре, считая с армянской и кладбищенской, пятая строится. На главной площади, справедливо названной Скобелевской, собор одноглавый с пятиглавой колокольней, что нам нигде не приходилось видеть. Асхабад имеет музей, два памятника, третий строится... Впрочем, всего описать нельзя, пришлось бы для этого «Киев продать на бумагу, Чернигов на чернила», приезжайте и сами увидите. — На другой день Вашего пребывания утром предполагается экскурсия к горам и в аулы: это тоже путешествие в древнюю, в ветхозаветную историю. Вечером в тот же день прогулка по трехверстной аллее в Кеши, в растительный питомник, где можно будет ознакомиться с флорой степей; там Вы увидите и с а к с а у л (или сазак), почти безлистный, с а з е н, что-то вроде нашей березы с светлорозовой корой и с корнями в несколько сажен длины: кустарники ч е р к е с и к а н д ы ш, маленький б у р д ж а к, травы — э р к е н - с е л и м и у р к а ч и - с е л и м, лучшие кормовые растения... Такие питомники существуют почти во всех построенных русскими городах: этим, как будто, хотя указать, что в противоположность туркам, где ступит русского нога, там растут лес и трава, хотя доказать, что мы не поляне только, но и древяне. — Продолжение проекта

Вашего пребывания в Асхабаде и путешествия от Красноводска до Самарканда, у подошвы Памира, будет в следующем письме. Будем ждать Вашей статьи об обыденных храмах, о которых было говорено в прошлом письме, в ответ на Ваше желание сделать выписки из известной рукописи, что было бы очень и очень желательно. В этом же письме писали Вам и о том, что послано Маркову, а затем была послана в Ташкент к Остроумову статья под заглавием — «Так называемые Каменные бабы, как первый надгробный памятник» с теми статьями, которые были напечатаны о Каменных бабах в газете «Дон», Вам известными. В Туркестане, где так часто встречаются выражения — Баба-Гамбер, Имам-баба по отношению — к кладбищам, как их названия, мы убедились, что нужно читать, или произносить, не каменная баба, т. е. по русски, а баба, по туркестански, что значит не женщина, а отец и писать следует не каменные, а каменные бабы.

(Подписи на этом письме)

Аскакал (белобородый) так назвал себя Николай Федорович и Караскакал (чернобородый) Петерсон.
